

П

очти по Жауковскому — «раз в крещенский вечерок...» — две молоденькие сестрички, хохоча, выскочили во двор.

— Ну и нагадали!

— А что? Давай еще попробуем!

— А как?

— А вот спросим!

Мимо шла старушка, и Анна (моя будущая мама) бросилась к ней:

— Бабушка, как женишка моего звать?

— Федя, миленькая, Федя! — ответила старушка, остановившись, и заковыляла дальше. А девчонок снова смех разобрал.

Анна родилась в 1910 году в Воронеже. Ее сестра Таиса — Таюшка, как ее звали в семье, — была старше на годок, но в школу они ходили вместе, притом в один класс, сидели за одной партой. Так решила их мать, моя будущая бабушка. Таюшка была капризной, с неожиданной сменой настроений, но очень-то охотно все делала, а Аня могла ее и подтолкнуть к работе, и поддержать, и напомнить, и подсказать. Они окончили школу II ступени, так в ту пору называлась школа-девятилетка. Аня поступила на курсы медсестер, Таиса пробовала устроиться на работу. А вечерами бегала в клуб им. К. Маркса — в кино, на танцы, на занятия кружков. Обе пели в хоре, а Аня еще любила драмкружок. Она выразительно читала и часто получала роли, которые были ей по душе. Клуб посещало много ребят — рабочих, студентов. Сестры обе пользовались у них успехом. Таюшка быстро выскочила замуж и уехала с мужем на Сахалин. Аня радовалась жизни и после отъезда сестры от одиночества не страдала. Замуж не торопилась. По вечерам возвращалась домой с провожатыми. Не одно предложение руки и сердца услышала, но только весело смеялась в ответ, считая всех претендентов товарищами, друзьями, не более того.

Когда открылся новый кружок, где изучали язык эсперанто, Аня нашла время и для него. Здесь она обратила внимание на новичка. Федор приехал из деревни Большие Ясырки Садовского района Воронежской области, учился в ремесленном училище и теперь уже работал токарем на заводе, жил у старшего брата Павла, а потом перешел в общежитие при заводе. Голубоглазый, черноволосый, среднего роста, прямой с горбинкой нос, высокий лоб — выглядел паренек привлекательно. Был застенчив, скромн, немногословен, но обо всем имел свое мнение, которое умел отстаивать в случае необходимости.

Всех женихов Аня приводила домой, где их придирчиво осматривали и выслушивали мама, младшая сестренка Зоя, братья. Всему семейству больше всех нравился Федя. Матери было приятно, что он не забывает свою мать и при возможности помогает ей.

И вот однажды вечером Аня влетает в дом и с порога объявляет: — Мама, радуйтесь, решила!

— Наконец-то! А я уже боялась: упустишь такого парня, — просияла мать. — Очень боялась: ведь из всех твоих ухажеров он лучше всех. Не чета этим хвастунам да нетерпеливцам. Сколько их сменилось! А Федя как появился у нас, так и стал как родной. А главное — любит-то тебя как! Судьба это твоя, доченька!

— Наверное, судьба, мамочка. Ни к чему не могу придаться, как ни пытаюсь. А помнишь ту старушку на Крещенье, помнишь? — Аня бросилась к матери, обняла ее. — «Федя, миленькая, Федя...» Как в воду глядела.

Все в семье были довольны выбором Ани. Федор познакомил невесту с семьей старшего брата Павла, свозил на родину к матери и уже замужним сестрам. Родни сбежалось много, всем она понравилась, хоть сестры и сокрушались, что уж больно она худенькая, хватит ли сил на сельскую работу? И в поле, и со скотом.

— А зачем ей сельская? — улыбался Федор. — Она работает медсестрой.

Поженились. Сняли комнату на улице 11 Мая в Воронеже. С утра — на работу, вечером спешат домой. Встречаются, как будто давно не виделись. Иногда Федор признается:

— Иду домой и себе не верю: правда ли это? Неужели мы вместе? Вхожу — и ты бросаешься мне на шею, радуешься, весело смеешься.

Не забывали и о клубе, который их познакомил. Ходили в гости к родителям Ани, брату Феди, но чаще любили бывать одни.

Неожиданно подошло расставание. Федора по комсомольской путевке посылают в летную школу города Энгельса.

Ах, как жалко было ему оставлять одну красавицу-жену, но разве можно было упускать такую возможность? Об авиации мечтал чуть не каждый школьник! Думали, думали, судили-рядили, решили сообща: надо ехать. И пока Федор учился летному делу, оба жили письмами, полными любви, тоски от разлуки, надежд на встречи. Письма, к сожалению, не сохранились, а на двух фотографиях уцелели надписи:

1) *На память о днях тоски и ожиданий (de via grande Knabete) Ане от Феди Ленинград 6/IV-32;*

2) *Товарищу, другу, любимой жене;*

3) *П-32 Ленинград.*

В Ленинграде он доучивался.

В том же году родилась дочь, то есть автор этих строк. А Федор по окончании школы был направлен для прохождения службы на Дальний Восток. Аня отправилась с ним, а бабушка оставила внучку пока у себя.

Как только удалось поехать, забрали и девочку. А в 1936 году родился мальчик. Мне было 4 года. Все это я пишу по рассказам мамы, бабушки, теток. А лет с четырех многое вспоминаю и сама.

Помнится, жили сначала в казарме, несколько семей, занавесками отгораживаясь одна от другой. Это была станция Возжаевка, недалеко от Благовещенска.

Потом получили небольшую комнату в доме для комсостава, а когда родился Вадик, ее обменяли на большую.

Обитали в военном городке преимущественно молодые семьи. Хороший клуб и тоже много разных кружков. Прекрасная библиотека, куда родители мои ходили по очереди. Отец запомнился мне своей удивительной жадностью до знаний. Час-

то вечерами, а порой и ночами он сидел над школьными учебниками, готовясь к поступлению в академию. Мама он никогда не протестовала, да он успевал и с ней поговорить, и посмеяться, и в кино сходить, и у друзей побывать. Мама помогала ему, например, по русскому языку; оба учились на заочных московских курсах немецкого языка и частенько говорили дома по-немецки. И домашняя работа делилась поровну: пока мама кормила нас, убирала, стелила постели, папа нянчил малыша, читал мне, а потом и нам обоим детские книги, играл с нами. А когда он был занят, мама была с нами. И каждый вечер она рассказывала нам сказки, которые приносили много радости, а иногда и до слез доводили. И читать мы научились рано. В первый класс я пошла, уже умея бегло читать. На новогоднем празднике получила первую премию за костюм куклы, а ведь костюм приготовила мама!

А папа упорно шел к цели: сдал экзамены за среднюю школу экстерном и поступил в военно-воздушную академию имени Жуковского. Перед войной перешел на третий курс. Летом ездил на сессию в Москву. Конечно, заезжал в Воронеж и на свою родину повидать родных: своих и маминых. А домой привозил много подарков, книг, игрушек, одежды, пластинок. У нас был свой патефон, музыка звучала нередко. Были и любимые песни. Романсы, народные песни, песни в исполнении Утесова и много других.

В далекий край товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят.
Любимый город в синей дымке тает.
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...

Эту песню слушали чаще других.

Возвращения отца мы всегда ждали с нетерпением. А мама! Как менялось ее лицо, сколько нежности, радости, счастья оно выражало, когда он входил в дом после приезда. Страдал и он очень, когда иногда отпускал ее в санаторий или дом отдыха, она ведь не отличалась крепким здоровьем. Я ходила в садик, Вадик — в ясли, вечером мы были дома втроем. Читали, играли, о многом папа нам рассказывал. И все мы время подгоняли: когда же мама вернется? Раза два, наверное, я ездила летом в пионерский лагерь, а Вадика-ясельника однажды вывозили на дачу. Родители проводывали нас, но думаю, куда-нибудь смогли съездить и без нас.

Папа как-то неудачно упал с парашютом и сломал ногу. Мама очень переживала, все старалась повкуснее что-то приготовить, о чем-то ему частенько рассказывала, успокаивала. А когда она однажды опрокинула на себя (заспешила!) кастрюлю с кипятком и не могла ходить, ухаживал за ней папа, как только мог.

И еще мне нравилось, что они никогда не ссорились. Может, и ссорились, но не при детях. Ни крика, ругани, оскорблений или обид нам не приходилось слышать. Как-то раз попала к подружке не в тот час и невольно стала свидетелем сцены: ее отец и мать, красивые, взъерошенные, чуть не дрались, грубо кричали друг на друга, оскорбляли страшно. Я бегом домой на радостях, что у нас дома такого ужаса никогда не бывало. Всегда спокойно, часто весело, друг другу помогали и нас приучали. Всем делились, что за день у кого произошло. И всегда мы мечтали о том, как поедем все вместе в Воронеж повидать всех родных, поесть вволю фруктов. Но однажды мама мне сказала:

— Ехать не сможем. На западе война.

Неспокойно было и у нас. Легали японские самолеты, уже начали рыть окопы. Мама вела в городке (она была членом женсовета) занятия по оказанию первой помощи.

Все изменилось. Люди другими стали. А наш военный городок эвакуировали в город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области. Ехали долго эшелонам, потом устраивались. Отец ушел на фронт. Какое это было горе, сколько слез! Понимали,

что это неизбежно, но... Мама страдала в особенности. Иной раз ночью проснешься — она плачет.

— Мамочка, не плачь! Вот фашистов разобьем, и папа вернется, и мы поедем в Воронеж, — уговаривали ее мы с Вадиком. Она обнимет нас, стараясь успокоить, пытается улыбнуться сквозь слезы.

Теперь мы все, как родители мои в юности, с нетерпением ждали писем. Жадно хватали их прямо на улице, встретив почтальона, раскрывали фронтовые треугольнички, читали их дома, соседям, друзьям. Живой! — это самое главное. Письма были бодрые, но беспокойство за нас чувствовалось. Мама ведь нередко прихварывала и до войны, но тогда он был рядом, и условия жизненные были разве такие, как теперь? Карточная система, лишения, питание скудное. Мама много работала. Воронеж у немцев, и к нам приехали бабушка с дедом, тетя Таиса с сыном. Было трудно. Правда, за военным городком выделили землю желающим для огородов. Сажали картошку, морковку, свеклу, огурцы. На какое-то время это выручало. Но до нового урожая, конечно, не хватало.

Воронеж освободили, и старики вернулись туда. У тети Зои было тоже двое детей, Юрка шести лет и Света совсем крошечная, и бабушка там вроде была нужнее. А мама... Всех надо было кормить, одевать, обувать. Она работала больше, чем ей позволяло здоровье, ведь время военное! По-прежнему член женсовета, активная участница самодеятельности. Но чувствовала она себя все хуже и часто подолгу лежала в больнице. Вадик ходил в детсад, я училась в третьем, потом в четвертом классе. Не помню теперь, кто топил печку, когда мама лежала в больнице. Угля не хватало — ходили с подругами на станцию собирать. Получала я по карточкам хлеб, соль, порой относила их на базар, продавала и покупала молоко. Конечно, папа посылал аттестат нам и своей матери в деревню, получала зарплату мама, когда не болела, но дороговизна была такая, что справиться было трудно.

Как я уже сказала, жили письмами. Писем мамы на фронт читать не пришлось, но я думаю, что были они теплые, ласковые, что она мало писала о наших бедах, а больше беспокоилась за него. Она тонко чувствовала, когда с кем-то из близких случалась неприятность. Например, однажды, когда я училась во втором классе, погас свет, и соседка послала меня в кухню умыть ее маленького сына. Поставив свечу на лавку, я полезла за мылом, став на эту же лавку. У меня загорелся подол, я бегом к ней — огонь, естественно, еще пуще: бегаю вокруг стола, а соседка с грудным ребенком с криком за мной. Хорошо, что крики услышал дед, вбежал и быстро сообразил набросить мне на спину половик. Бабушки дома не было, а мама была на заседании женсовета. И вот медсестра обрезает почерневшие куски кожи на моей обгорелой спине (ожог 3-й степени) и делает перевязку. Загорелся свет. Вбегает мама, на белом лице выражение ужаса.

— Что случилось? Вадик? Лора?

И все поняла. Оказалось, сидела на заседании, и так ей вдруг стало страшно, как предчувствие беды какой-то. Вскочила и побежала домой.

Можно представить, как она постоянно волновалась за мужа, когда он был далеко, на фронте, постоянно в опасности. А он, допуская возможность своей гибели, беспокоился о том, как ей в этом случае придется одной с детьми, и заранее писал о том, как ей поступать в этом случае. Все это — в одном из последних сохранившихся писем. Их всего три, и мы бережем их, как святую реликвию. Привожу одно почти полностью:

3 декабря.

Здравствуй, Аня!

Вчера получил твое письмо от 13 октября. Мои дела идут по-старому, пока все благополучно. Я писал тебе, что хлопочу об отпуске. Хоть бы несколько

дней побыть вместе! Ведь за 2 года у нас столько накопилось рассказать другу другу. Но пока вопрос об отпуске не решен. И надежды все еще мало на это. Мне остается пока читать да перечитывать твои письма, вспоминать, мечтать и смотреть на твою фотокарточку.

... Я помню любви нашей краткой начало.
Я помню, как часто меня ты встречала.
И взгляд, и походку, и голос твой помню.
И сладко от этого, и нелегко мне.
Мы мало любили, но крепко любили.
И верили в счастье, и счастливы были.
И не было в мыслях меж нами такого,
Чего б не могли мы понять с полуслова.
Любовь моя! Счастье! Подружка родная!
Мы встретимся снова, я верю, я знаю.
Я верю, я знаю — мы встретимся снова
И снова друг друга пойдем с полуслова.

Стихи, конечно, не мои. Автор — Сергей Васильев. Да что за беда! Они отражают мое настроение, они мне нравятся. Поэтому я записал их для тебя.

А вот выдержка из другого письма.

...Я о тебе все время вспоминаю с самым теплым чувством. Сколько хорошего в этих воспоминаниях! Наша прошлая жизнь мне все время представляется в самых радужных тонах. А будущая наша жизнь в моих мечтах рисуется вроде сказочного чего-то. Скучаю ли я? Аня! Нужно ли об этом спрашивать? Так скучаю, так тоскую иногда, что и описать трудно.

В третьем письме он приводит стихотворение К. Симонова «Жди меня» и далее пишет:

Аня! Это стихотворение полностью отражает и мое настроение. Я люблю тебя больше прежнего и верю тебе, что ты ждешь меня и будешь ждать. Я верю в твои силы, в твою приспособленность к жизни. Я уверен, что все трудности ты переживешь, найдешь в себе силы их преодолеть и сохранить себя и детей до конца войны.

Он верил в силы жены, а скорее убеждал себя верить в то, что все будет хорошо. А ведь, как я уже говорила, мама здоровьем похвалиться не могла, а в условиях лишений, недоедания, нелегкой работы — тем более. Да еще постоянное беспокойство за мужа: он воевал и был постоянно в опасности. Вот что он пишет в одном из писем: «Дела мои идут нормально. Все благополучно. Настроение бодрое, приподнятое. Это — под влиянием побед Красной Армии над паршивыми фрицами. Мы знаем, что каждая новая наша победа приближает час окончательного разгрома врага, приближает конец войны. Я мечтаю об этом дне.

Как это будет? Как поется в песенке:

Приеду весною, ворота открою,
Ты со мной, я с тобой неразлучны навек...

Из газет тебе известно о победах Красной Армии на Юге. В последних событиях на юге и я принимал самое активное участие по своей специальности. Вот когда заговорила как следует моя «первая скрипка!»... Я хочу, чтоб ты знала, что я честно выполнял свой долг перед Родиной. И детям моим не придется стыдиться при упоминании имени их отца».

Я до сих пор помню мамину реакцию на это письмо, тем более что именно здесь папа осторожно советовал, как маме устраивать нашу жизнь в случае его гибели. Она гордилась им, хорошо понимая его искреннее желание воевать активно, используя все свои способности, знания, умения. Она обсуждала это с соседкой, подругами; не раз слышала я это выражение: «Заиграла моя первая скрипка». А подробности мы узнали через много лет из писем, рассказов однополчан отца. Например, Герой Советского Союза Г.С. Шупик пишет в своих воспоминаниях:

«В наш 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк майор Ф.П. Дорофеев прибыл в тяжелое время, когда погиб командир эскадрильи, ранен его заместитель. Он сразу включился в боевую работу и начал водить группу штурмовиков в бой. Меткие удары эскадрильи Дорофеева наводили ужас на врага. Он лично громил танки, артиллерию противника».

Бои на Таманском и Керченском полуостровах, поддержка наших наземных войск при форсировании Керченского пролива, прорыв сильно укрепленной обороны противника на Керченском полуострове, овладение городом и крепостью Керчь, прорыв Ак-Монайских позиций, успешные бои за Феодосию, Ялту, курортные поселки южного берега Крыма, грандиозная битва за освобождение Севастополя, и везде, как рассказывает Шупик, воевали летчики эскадрильи во главе с комэском Дорофеевым.

Моя одноклассница, мои бывшие ученики в Интернете нашли «Книгу памяти», сайт о награждениях, где оказалась информация и о моем отце:

«Майор Дорофеев Ф.П., переведенный в 43-й ГШАП командиром эскадрильи, активно взялся за работу, партийно-политическая работа в части забила ключом. С 8/V-42 г. по 8/VI-43 г. проведено с личным составом 130 лекций, докладов, политинформаций, бесед, из них 60 лично провел Дорофеев. Своим личным примером он воздействовал на нерадивых. Среди личного состава пользовался большим деловым и политическим авторитетом. Тов. Дорофеев — летчик, за период нахождения в действующей армии выполнил много заданий на связь с войсками, доставку боевой корреспонденции и представителей штаба 58-й армии и др.; налетал 247 полетов, 122 часа 42 минуты. В летной практике не имел аварий и поломок. При выполнении заданий одновременно обучал молодой летный состав самолетовождению по маршрутам и посадке на ограниченных площадях.

За период участия на фронте борьбы с немецкими захватчиками тов. Дорофеев лично произвел в составе 43 ГШАП 70 боевых вылетов, уничтожая живую силу и технику противника в районах Катерлез, Семь колодцев, Феодосия, Севастополь. За период боевой работы им лично уничтожено: автомашин 11, подвод с грузом 10, орудий ПА 4, штабной автобус 1, танк 1, катеров 2, солдат и офицеров 56. Эскадрилья, которой командует тов. Дорофеев, произвела 213 боевых вылетов на самолетах ИЛ-2 на бомбометание и штурмовку живой силы и техники противника в Крыму, в результате чего уничтожено: танков 21, автомашин 110, подвод с грузом 66, орудий ПА 21, ДЗОТов и ДОТов 2, самолетов на земле 12, цистерн с горючим 1, складов с боеприпасами 6, барж потоплено 2, солдат и офицеров 1010. В период операции в Крыму тов. Дорофеев воодушевил весь свой личный состав, показывая образцы мужества и героизма личным примером.

7/V-44 г., будучи ведущим группы ИЛ-2, получил приказание по радиации ВПУ — бить по артиллерии противника, мешающей продвижению наших войск. Группа, ведомая тов. Дорофеевым, произвела за 5 заходов под ураганным огнем штурм вражеских огневых точек, тем самым способствовала нашей пехоте быстрым броском занять выгодные рубежи.

11/V-44 г., преследуя отступающего противника, мастерски подвел группу к цели, пробивая сплошную стену заградительного зенитного огня. Только в результате своей настойчивости и мужества группа отлично выполнила боевое задание,

подготовки 3 катера и уничтожить до 80 солдат и офицеров, расстреливая их в упор, штурмуя на бреющем полете в местах погрузки...»

За участие в боевых действиях в Крыму мой отец был представлен к ордену Отечественной войны 1-й степени. Награжден двумя орденами Красной Звезды.

Мама, конечно, гордилась своим мужем, но и очень тревожилась, волновалась, переживала, понимая, что он постоянно рискует жизнью. Иной раз она даже ходила к гадалкам. Была у заезжего гипнотизера. Он вроде бы успокоил ее:

— Живой, живой ваш муж! — но прибавил: — А вас скоро поразит большой удар.

Я навсегда запомнила эти слова, так как все так и случилось. Болела она давно, болела серьезно, лежала неделями, а то и месяцами в городской больнице, только папе об этом не писала, чтобы его не беспокоить и не отвлекать от дела.

30 апреля 1944 года мы с Вадиком пошли проведать маму (2 недели назад ее отправили в очередной раз в больницу, боли были у нее невыносимые).

Когда мы попросили санитарок позвать к нам маму, они пошептались (до сих пор помню их растерянные лица), и одна из них, подойдя к нам, тихо сказала:

— Детки, ваша мамка умерла.

— Как это? — не поняли мы. — Почему не лечили?

— Лечили... от кисты, а умерла, так как от печени осталась одна пленка. Дистрофия печени.

Возвращаясь домой, мы плакали всю дорогу. Похоронили маму 4 мая, жили до приезда бабушки у соседки, да и другие женщины, члены женсовета, заботились о нас. Почта доставлялась медленно, так что отец не сразу узнал о нашем страшном горе. Приехала бабушка, собрала, что можно было увезти — справки, продукты, подождали, пока я сдам экзамены за 4-й класс. Утром, где-то в самом конце мая, мы выехали, а вечером приехал папа. Вот когда он получил кратковременный отпуск! Сходил на могилу, к начальнику мамы, к врачу и поехал догонять нас. Встретились на пересадке в Ряжске (а их было четыре), перевел нас в свой вагон. Приехали в Воронеж, потом поехали вместе с папиным братом Павлом и его дочкой в деревню. Повидался со всеми родными: с матерью, сестрами, племянниками. Здесь он нас оставил, пока бабушка в Воронеже найдет квартиру, что было нелегко: город весь был в руинах и развалинах.

Папа был так печален, что на него было страшно смотреть. Ведь он беспокоился о том, как трудно будет маме в случае его гибели, а оказалось, что она ушла раньше, и что он многого не знал о нашей жизни, о ее нездоровье. Сестры его пытались уговаривать:

— Федя, милый, голубчик ты наш, горе-то какое! Крепись, держись, что сделаешь? Пройдет время, потихоньку успокоишься, а детям мать нужна. Попадет-ся, может, добрая женщина, сейчас ведь много одиноких.

Он не хотел даже слушать, просил сестер:

— Не надо, не говорите ничего. Добрых, хороших много, а такой, как Аня, больше не встретить. А я однолюб.

Мы с Вадиком это все слышали и в рев:

— Не надо нам другую маму!

Провожая братьев, сестры плакали, мать, то есть наша вторая бабушка, слегла от горя. Все говорили ему:

— Федя, береги себя, ты детям нужен. Возвращайся, война к концу идет.

А он, попрощавшись со всеми, махнул рукой и сел на телегу, на которой их отвозили к поезду на станцию Анна. Больше мы его не видели.

Он вернулся на фронт. И снова я обращаюсь к воспоминаниям Шупика:

«Комэску предоставили краткосрочный отпуск. Потом — снова фронт, снова жаркие бои. Навсегда освобождены десятки городов, сотни деревень. Уже бои шли

в Поляше, Белосток взят нашими войсками. В этом немалая заслуга эскадрильи штурмовиков, которой командовал гвардии майор Дорофеев.

Никогда мне не забыть 12 августа 1944 года. Этот день для командира стал роковым. Помню, четверкой мы полетели штурмовать автоколонну противника на участке дороги Визна — Ломжа. Бои велись на реке Бебжа. Погода стояла неважная. Ключьями низко плыли облака. Враг нас встретил сильным зенитным огнем. Сквозь огонь мы прорвались к цели. Как ни маскировался неприятель, все же мы его обнаружили. Бомбовым ударом уничтожили 2 танка, 3 самоходных орудия. На втором участке дороги двигалась небольшая автоколонна. После нашего штурмового удара четырех машин враг недосчитался. Когда возвращались, обнаружили артбатарею. Решили атаковать ее. Но тут случилось непоправимое: в самолет командира попал крупнокалиберный зенитный снаряд. Самолет под бортовым номером 17, на котором летал гвардии майор Дорофеев, задымил и резко пошел к земле.

— Командир, командир! Держись! Тяни, тяни к своей территории, — кричали мы, его подчиненные, по радио. Так хотелось чем-то помочь! Но чем поможешь — кругом лесистая местность. Самолет упал на землю, занятую врагом...»

Через месяц бабушку вызвали в военкомат, а оттуда ее, совершенно без сил, привела сноха; выражение ее лица у меня до сих пор в памяти. Ведь она зятя своего за родного считала, да так оно и было. Да, однополчане отца нам писали; чем могли, помогали, кажется, в горсовет обращались, в итоге нам привезли дрова. Присылали посылки уже из Германии, макет самолета ИЛ-17, книги, письма. Все это радовало, но родителей не заменишь.

Кончилась, слава Богу, война. Этот день всеобщего ликования тоже никогда не забуду. Через Воронеж шли эшелоны, все бежали встречать своих близких. Нам встречать было некого.

А труднее было с жильем. Воронеж разрушен, кругом пустые коробки вместо домов. Квартирu снять не удалось, и жили мы вместе: в одной комнате тетя Зоя с двумя детьми, тетя Тая с сыном, бабушка и дед; для меня и кровати негде было поставить, спала на сундуке. Вернулся муж тети Зои, родилась еще девочка. Свету, дочку тети Зои, держали в круглосуточном детсаде тоже из-за тесноты. К тому же комната была проходная, через нас ходило еще пять человек, а мы все ходили еще через одну проходную, где жили еще трое. Когда вспоминаем это, просто понять невозможно, как можно было жить в таких условиях. Брат Вадик учился в суворовском училище, а на каникулах приезжал к нам — еще и раскладушка летом. Правда, мы летом иногда ездили в деревню, и тогда без нас можно было остальным передохнуть. И так долгие пять лет. Комнату нам выделили, когда я училась в десятом классе. У меня появились свои кровать, стол, стул, стали гости к нам ходить.

Прошли годы. Я давно окончила ВГУ, работала в сельских школах. В 1967 году в газете «Коммуна» была опубликована статья — письмо Г.С. Шупика «Где вы, Дорофеевы?» Моя классная руководительница Н.З. Васильева прислала мне на Украину вырезку из газеты. Благодаря этому я встретилась с однополчанами моего отца на открытии памятника летчикам Кубанской штурмовой авиадивизии. В ней было шесть полков, и один из них — 43-й гвардейский штурмовой авиационный полк, который освобождал Крым, именно в Керчи состоялась встреча, здесь и открыли памятник.

Я познакомилась со многими однополчанами, которые хорошо помнили моего отца и много интересного рассказывали. Например, Б.И. Курсанова, во время войны техник на аэродроме, рассказывала о том, как заботлив был Ф.П. Дорофеев по отношению к молодым девушкам полка, как помогал им в работе и обустройстве быта, как умел заставить поверить в себя, в конечную победу. А.А. Кепов вспоми-

нал, как ждал всегда мой отец писем из дому, как было видно всем, что он никогда не скрывал своей бесконечной любви к жене и детям, фотографии которых он всегда носил с собой и показывал их друзьям. На одной из них была такая надпись: «Пусть моя фотография хранит тебя от гибели и от лукавого женского глаза в тылу».

И снова завязалась переписка. Писали мне Г.С. Шупик, Б.И. Курсанова, А.И. Кепов, П.П. Левчук и другие. Писали о своей жизни, семьях, вспоминали о военных годах и моем отце. А ведь таких, как я, на встрече было много, и всем нам уделяли внимание эти прекрасные люди.

П.П. Левчук, поздравляя меня с годовщиной Победы, писал: «Ваш отец, гвардии майор Дорофеев Федор Прохорович, не дожид до этого дня и отдал за нашу победу свою жизнь. Как и тогда, я и теперь вижу стройного, высокого, спокойного и доброго командира эскадрильи, к которому запросто можно было обращаться по любому вопросу и получить удовлетворительный ответ. Мне не раз приходилось летать с ним в одной группе на боевое задание, и всегда я чувствовал уверенность в том, что боевое задание будет выполнено и группа в полном составе вернется на свою базу. Но вот себя не уберег...»

Г.С. Шупик обратился в Воронежский обком КПСС с просьбой о работе для меня (так все сложилось, что мне нужно было вернуться домой). Это было в апреле 1973 года. Но письмо однополчанина отца в обком опоздало.

В марте я, приехав в Воронеж (сокурники похлопотали в облоно), выбрала совхоз «Михайловский» из двух предложенных мест, где и сейчас живу. Но сам факт обращения — лишнее свидетельство того, как фронтовые товарищи помогали друг другу и семьям погибших товарищей. О них Г.С. Шупик неоднократно рассказывал в печати. Он писал не только мне, но и моим ученикам о своем боевом пути, погибших соратниках. Он считал воспитание патриотизма важной обязанностью каждого, тем более прошедшего войну.

На встречах с однополчанами отца я была еще два раза, последний раз — в 1988 году. Потом в 1990-м я не сумела поехать, а больше их, по-моему, организовать не удалось: в стране все изменилось. Да и ветеранов становилось все меньше, ряды редели. Об отце я рассказывала ученикам своих классов. И всегда была тронута детскими переживаниями, проявлением чувства искренней благодарности тем (в том числе и моему отцу), кто погиб за Родину, за счастье будущих поколений.

Вот и мой отец. Он мог бы остаться дома, как и другие в нашем военном городке, учить курсантов. Мог бы, но не сделал этого. Считал необходимым выполнить честно свой долг перед Отечеством. И выполнил. Если б не война, осталась бы жива моя мать, а наши судьбы могли бы сложиться совсем по-другому. Такое было поколение, победившее фашистов. И мне очень хочется, чтобы мои воспоминания помогли внукам, да и другим молодым людям ощутить свои корни и гордиться предками.